

Алексей Немоляев

**За холмом,
что скрывает
рассвет**

Алексей Немоляев

**За холмом, что
скрывает рассвет**

«Издательские решения»

Немоляев А.

За холмом, что скрывает рассвет / А. Немоляев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-852119-5

Человек живет во времена, где каждый борется сам за себя. Гром
и Алиса, одинокие, каждый по-своему, пытаются обрести путь
к свободе.

ISBN 978-5-44-852119-5

© Немоляев А.
© Издательские решения

Содержание

I	6
II	12
III	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

За холмом, что скрывает рассвет

Алексей Немоляев

*апрель 2017 года,
г. Саратов*

Дорогой жене, за терпение

© Алексей Немоляев, 2017

ISBN 978-5-4485-2119-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I

В операционной стояла невыносимая жара, кондиционеры работали на износ, но не справлялись – хирург, весь в мыле, не мог отдышаться. Сестра не успевала вытирать пот с его лица.

– Скальпель! – кричал хирург. – Обработайте раны! Черт возьми! Кто с тобой это сотворил?

На операционном столе лежала маленькая девушка с распоротой щекой, на месте запавших зияли две красно-бурые раны.

Медсестра со страхом смотрела на эти кровоточащие дыры.

– Нужна кровь, сейчас же! – крикнул хирург. – Ну что ты стоишь!

Маленькая девушка находилась в коме – по лицу ее разлилось смертельное спокойствие. Спасительное забытие, в котором она ничего не чувствовала. Пульс едва пробивался сквозь смерть.

Время было похоже на изжеванную пластинку от граммофона.

Прошло около полугода, прежде чем девушка в первый раз открыла глаза. В палате стоял полумрак, но даже этого было достаточно, чтобы ослепить ее. Глаза полыхнули огнем. Она попыталась шевельнуться, но конечности не слушались, тело ослабло. Аппараты, поддерживающие в теле жизнь, залились тревожным смехом.

Губы ссохлись, когда она попыталась позвать на помощь – из горла вырвался лишь едва слышный хрип, растворившийся в шуме ночного города.

Ее обуял страх. Руки заныли от боли, и она ничего не могла сделать, чтобы унять эту боль.

В палату забежала сестра, вколола в капельницу лекарство, и боль медленно ушла. Девушка вновь погрузилась в темноту, в ничто, откуда на нее надвигались страшные воспоминания, приходили – и тут же прятались, как волны, неотступно бьющиеся о берег, разбивающие пену, растрavляющие раны.

Что произошло? – вопрос где-то на границе сознания. – Где я? Что со мной происходит?

Она проснулась – открыв глаза, увидела сидящего возле ее кровати мужчину лет тридцати. Из-под белого халата, накинутого на плечи, виднелась клетчатая рубашка и загорелая шея. Руки были грубыми, с сухой морщинистой кожей.

– Наконец ты проснулась, – сказал он и замялся. – Я принес цветы, надеюсь, тебе такие нравятся.

– Где я? – ссохшиеся губы не подчинялись, говорить было ужасно трудно.

– Теперь ты в безопасности, – сказал мужчина.

Девушка долго молчала, силясь что-либо вспомнить, но все тщетно.

– Кто я? Все будто в тумане...

С усилием она повернула голову в сторону гостя.

– Как ты себя чувствуешь?

– Плохо, – с губ вырвался короткий вздох.

– Понимаю, – сказал он. – Ты провела в коме долгое время. Доктора вернули тебя с того света.

– Как я сюда попала? – слова, как сухой ветер, шелестели, вылетая из ее уст.

– Это долгая история, – ответил ей гость. – Я тебе расскажу ее позже.

Мужчина встал со стула, и, заложив руки за спину, подошел к окну. Наступало утро. Грязное, застланное тучами небо, засветилось изнутри, предвещая еще один дождливый день. Было холодно, немногочисленные прохожие жались в куртках, быстрым шагом провозжая свой каждодневный путь.

– Меня зовут Гром, – проговорил гость.

Девушка пересилила себя, подняла голову и взглянула на руки. Из ее запястий выросли металлические кисти. Искусственные связки – как натянутые струны.

– Ты вспомнила свое имя? – спросил гость.

– Нет, – ответила девушка. – Я помню рабство, помню, как меня били и лишали пищи, но так же помню, – слова давались ей трудно, – что так было не всегда.

– Когда-то ты была свободной?

– Да. Помню что-то из детства. Но что именно?

– Родителей?

– Возможно, – в напряженной задумчивости вымолвила девушка, – лица как будто в тумане.

– Побереги силы, – сказал Гром. – Ты еще очень слаба. Ни одна неделя пройдет, прежде чем ты выздоровеешь.

– Спасибо вам, – тихо ответила девушка, лицо ее на секунду исказилось. – Скажите, кто держал меня в рабстве? – она стиснула зубы, как от боли, скулы вздулись.

– Не могу сказать.

– И вы убили его?

– Конечно, нет, – ответил Гром. – Разве я похож на мясника?

Она промолчала.

Гром прервал затянувшееся молчание:

– Поправляйся! – сказал он. – Они с тобой жестоко поступили, – он пристально всмотрелся в ее широкий шрам на левой щеке, потом в глаза, пустые, без дна, – в мире много несправедливости.

Она отвела взгляд.

– Что же теперь со мной будет?

– Я тебе помогу, ведь, получается, я в ответе за тебя. Можешь пожить у меня. Я все равно редко появляюсь дома, так что мы не будем мешать друг другу.

Он встал со стула.

– Не бойся, – сказал Гром. – Худшее позади. Здесь не так уж плохо. Во всяком случае, лучше многого пережитого тобой, – он накинул пальто. – Мне пора. Отдыхай, набирайся сил. Я постараюсь, время от времени, тебя навещать, если ты не против.

Он вышел из палаты, осторожно прикрыв за собой дверь, спустился по лестнице и выбрался на улицу.

Солнце уже поднялось над крышами домов, с трудом пробиваясь сквозь тучи. Закапал легкий дождь. Гром поднял воротник, закурил и зашагал в сторону цветочной аллеи на другом конце улицы.

Через пару минут он подошел к внушительному двухэтажному особняку, огороженному литым забором. Возле ворот стояли двое охранников – мощных ребят. Гром поздоровался, и они пропустили его внутрь. Здание мрачно блестел мрамором, по углам дома расположились каменные титаны, держащие на плечах крышу здания. Все это отдавало вычурностью и старомодностью. В центре покрытого жухлым газоном двора находился небольшой фонтан. Гром постучал в тяжелую дубовую дверь, и она отворилась.

– Входи, – пробасил тихий хриплый голос.

Это был Вихрь.

– Как девчонка? – поинтересовался он.

– Ничего, – коротко ответил Гром, – идет на поправку.

Вихрь предложил ему выпить, но Гром отказался.

– Подойди к столу. Что ты видишь?

– Вижу, мне снова нужно провернуть грязное дельце.

– Не слишком-то и грязное, – сказал Вихрь, и дополнил дежурной фразой: – Не подведи. Знаешь, я никому не могу больше доверять, – он откинулся на спинку кресла и завел руки за голову, и его лицо выразило счастливую мечтательность. – Единственный мой друг! А помнишь, как все начиналась? – он любил при любой возможности ударится в воспоминания. – Когда у нас еще ничего не было: ни денег, ни знаний – одно лишь желание разбогатеть, прославиться.

– Хорошо, что последнее нам так и не удалось!

– Да, – протянул Вихрь. – Такая слава никому не нужна. Но денег мы с тобой хорошо наворовали. Ведь все начиналось с того банка на окраине города, там название еще было странное такое...

– Не помню, хоть убей, – Гром рассмеялся. – Ты тогда услышал сирену и так испугался, что бросил мешок с деньгами и кинулся наутек. Хорошо, что я быстро тебя нагнал, а то бы – беды не избежать.

– Это точно.

– Я хотел тебе тогда ноги переломать.

– Может, и надо было, – взмахнув рукой, произнес Вихрь. – Мне бы пошло это на пользу.

– Так или иначе, деньги были у нас, и мы хорошо проводили время.

– Хорошо было быть свободным! – воскликнул Вихрь. – Но сейчас, когда мне приходится наблюдать за всеми мелкими воришками в этом городе, я чувствую себя чертовски уставшим. У меня есть все, кроме свободы, а ее, друг мой, не купишь за деньги – тут все наоборот. Я тебе даже в чем-то завидую, ведь ты выбрал свободу. Ты можешь проявить слабость, и этим ты не подпишешь себе смертный приговор!

– Каждый выбрал, что хотел, – немного помолчав, ответил Гром. – Уже поздно что-либо менять.

– В этом ты прав.

Прошло около двух недель с того времени, как девушка вышла из комы. Первый ее посетитель, Гром, спасший ее, время от времени ее навещал, и, поскольку она, как ни старалась, не могла вспомнить свое имя, он дал ей новое.

Алиса.

Имя странное, и девушка рассмеялась, впервые его услышав. Но, в конечном итоге, разрешила себя так называть.

– Откуда оно? – спросила Алиса.

– Давным-давно я читал сказку о девочке, попавшей в страну чудес, – сказал Гром.

– Где же моя страна чудес? – промолвила девушка, улыбаясь, но после этого лицо ее вновь приняло серьезное выражение. – Скоро я смогу выйти отсюда. Я уже столько услышала об этом мире, столько интересного и волнующего, что мне не терпится с ним познакомиться.

– Мир хорош, – ответил Гром, – не весь, конечно. Много в нем и неприятного.

– Чего, например?

– Разного, – Гром потер лоб, – преступность, летняя духота, от которой не спрячешься, и, конечно же, налоги. Богатый человек может всего этого избежать, но богатых людей не так уж много. Остальным же приходится мириться! Когда я был совсем молод, я работал на фабрике за сущие гроши – без отдыха, уважения и надежд на будущее. Работал ради того, чтобы не умереть с голоду. Мало чем отличается от рабства. И все пути, по которым я мог пойти, оказались обманом.

Дверь отворилась, и в палату вошла медсестра, неся перед собой поднос с обедом.

– Спасибо, – сказала Алиса, – поставьте, пожалуйста, рядом с кроватью – я справлюсь, – Алиса повернула голову к Грому. – Я пообедаю, вы не против?

– Конечно, – ответил Гром. – Я могу выйти.

– Прошу, оставайтесь. Я же еще так много хочу от вас услышать! Собеседников тут немного, и вы приходите нечасто, – неловким движением она подхватила поднос. – Мне бы хотелось найти своих родителей.

– Это будет непросто, столько времени прошло. Я постараюсь узнать что-нибудь на этот счет, но ничего не обещаю.

– Вчера сестра мне сказала странную вещь – про то, что случилось здесь 20 лет назад. Мертвым было куда лучше, чем живым. Я так и не поняла, о чем она.

– Не всегда все было хорошо, – вымолвил Гром. – В те времена шла война, война всех против всех, и не было правых и виноватых – лишь горы мертвецов, выброшенных на свалку жизни, и тысячи живых трупов, ждущих своей очереди. Я сам был одним из таких трупов, и надо мной висел дамоклов меч, готовый в любую секунду сорваться. Много тогда славных ребят полегло. Возможно, и твои родители там были, в таком же положении... А, может, бежали, спасались – кто знает?

– Кто же устроил эту войну?

Гром вымолвил в задумчивости:

– Один глупец, которого потом убили свои же. Он призывал нас встать на защиту родины, а получилось, что родину мы уничтожили, – он вздохнул. – Трудно прийти в себя после такого.

Алиса протянула к нему руку, их пальцы встретились.

– Мне нужно знать правду, иначе я не смогу жить. Надеюсь, истина сможет окупить боль.

Гром промолчал. На него смотрела не прежняя маленькая испуганная девочка, какой она казалась ему недавно. Девочка обретала стойкость, она в задумчивости сжимала механической кистью столовый прибор, так, что металл скрежетал меж пальцев. Она перестала казаться сломленной. Гром с замиранием сердца смотрел на нее, и ему безо всякой, казалось бы, причины, было страшно за нее.

Алиса выплыла из задумчивости, и положила сломанную ложку на поднос.

– Спасибо, что навестили, – сказала она. – Надеюсь, скоро уже я буду навещать вас.

«Я помню этот город. Он все такой же громоздкий, задыхающийся от бесчисленных прохожих, пахнущий слишком многими запахами. Из-под земли выросло несколько сверкающих небоскребов, но дух города остался прежним. И если меня попросили бы охарактеризовать место, где я провела свое детство, я бы промолчала в ответ», – Алиса попыталась дотянуться до воспоминаний из далекого прошлого. Тщетно, все тщетно.

Гром подсказал ей, куда идти первым делом.

И вот, Алиса повернулась направо, остановилась перед старой дубовой дверью с погнутой медной ручкой, и распахнула ее. Внутри было темно, полумрак ослепил ее.

– Через несколько секунд вы привыкните, – произнес старый скрипучий голос.

– Кто вы?

Голос промолчал.

Алисе пришлось подождать, пока ее глаза привыкали к тусклому свету, который едва просачивался в помещение. Через некоторое время из темноты стали медленно выплывать очертания прилавков и полок, а также стоящего в отдалении старика, казавшегося в потемках полупрозрачным, с густой бородой, одетого в серую бесформенную рубаху. Трудно было понять, что выражало его лицо.

– Здесь больше никого нет? – спросила Алиса.

Этот вопрос сильно позабавил старика.

– А кого вы бы хотели найти?

– Я видела, как сюда заходили люди, а теперь оказалось, что никого нет.

– Разве это стоит внимания? – прошелестел старик. – Удивительно, какие нелепые вещи могут интересовать человека.

Алиса не нашла, что ответить. Она осмотрелась и увидела множество безделушек, от которых веяло глубокой стариной.

– Сколько этим вещам лет?

Старик вновь рассмеялся:

– Вы и представить не можете, – сказал он. – Есть вещи, которые не ведут счет времени. Они ощутили на себе дыхание вечности – и застыли – недвижимые и спокойные. А вы что здесь ищете?

– Я, – очнулась Алиса, – ничего не ищу, зашла просто от любопытства.

– Любопытство ведет нас опасными дорожками, – продолжил изливаться старик. – Может быть, есть еще что-то?

– Я бы хотела что-нибудь купить для дома.

– Врать можно и убедительней, – усмехнулся старик. – Тем более, что эти вещи не продаются.

– Я думала, вы их продаете.

– Отнюдь, – старик развел руками.

– Я, пожалуй, пойду, – сказала Алиса и отвернулась от сбрендившего старика.

– Возможно, вы ищете нечто иное, – вымолвил вдруг старик, – и я хочу вам помочь.

– Не понимаю, о чем вы.

Старик резко переменился в лице, и его борода качнулась в сторону.

– Бедный ребенок! Я смотрю на твои руки и ужасаюсь! Знаешь ли ты, что во всем мире есть только одно место, где так измываются над людьми, где человеческое страдание – это валюта, по-другому не скажешь. Сколько шрамов носит на себе твое сердце!

Ее горло сковал вдруг скользкий противный комок, не дающий вздохнуть. Алиса была готова вот-вот потерять сознание.

– Пойдем, дитя! – воскликнул старик. – Здесь слишком душно.

Он взял ее за запястье, а другой рукой – приобнял за плечи. Ладони его были шершавыми и теплыми. Они прошли в другое помещение, служившее, вероятно, старику местом обитания. При свете дня старик прибавил в возрасте, стал выглядеть иссушенным, кожа приобрела мертвенный оттенок. Морщины стали похожи на глубокие рытвины, лицо трескалось как пережженная глиняная маска. Старик посадил ее за стол и принес воды.

– Лучше?

– Да, уже лучше, – ответила Алиса. – Кто вы? Только прошу, давайте обойдемся без загадок. В моей жизни и без того происходит многое, чего я не понимаю.

Старик некоторое время молчал, застыв в одном положении, направив взгляд в сторону. Часы в углу комнаты мерно отсчитывали убегающие секунды. Рядом с окном в вазе стояли три лилии. Окно – открыто, но холод с улицы в комнату не проникал.

– Даже не знаю, что тебе ответить, – начал старик. – Во мне нет ничего странного, как бы ты ни старалась увидеть. Я много путешествовал, и поэтому у меня имеется большой опыт – твои раны ни с чем не спутаешь. Мне очень жаль тебя.

– Не стоит. Я уже привыкла, – ответила Алиса. – Если у вас достаточно опыта, может быть, вы сможете мне помочь, – она облизала пересохшие губы. – Вы правы, я ребенок – ребенок, который ищет родных. Я долгие годы провела в рабстве, и всем сердцем я хочу их разыскать, а если их уже нет в живых – узнать, где они похоронены, и попрощаться. Я не смогу начать новую жизнь, пока не сделаю этого. Память всегда будет тянуть меня назад.

Старик внимательно слушал.

– Гром направил тебя? Он посвятил меня в некоторые вопросы, и я успел кое-что придумать, – быстро проговорил он. – Я помогу тебе, расскажу, что знаю. Но придется немного потерпеть – память уже не так резва, и потребуется время, чтобы припомнить некоторые моменты. Я помню времена жуткой смуты, когда жить стало совсем тяжело.

Я догадываюсь о твоей истории, но перед этим... – он запнулся. – В то время, о котором ты хочешь услышать, все началось с голода. Не помню, что стало его причиной, это произошло будто по щелчку – и город погрузился во тьму. Тысячи униженных и уничтоженных душ не находили себе места под ледяным солнцем. Мы искали спасения в любой жуткой лжи, которая обещала, что все будет хорошо. Уныние, неотвратимость, математическая точность смерти. Страданий я видел достаточно за это время.

Бывшие союзники, черт их побери, ничего и думать не хотели о том, чтобы отправить нам хоть какую-то помощь. Подышаем ведь мы всегда в одиночестве! – старик взглянул на Алису и продолжил:

– Люди гибли тысячами. Как при чуме, трупами был завален весь город. Людей накачивали патриотической дрянью, так, что они шли против своих же, и гибли! Начался бунт. Людей расстреливали за подозрение в причастности к нему, но это не помогало. Да, вот так, – старик замолчал, нахмурился, будто потерял мысль.

– Что же было дальше?

– Бунтовщики взяли свое, победили, – ответил старик. – Я знаю, что ты хочешь от меня услышать. Только – ни о чем меня не спрашивай, просто сделай! Знаешь, стариковская интуиция редко подводит! – он усмехнулся, погладив бороду. – В те времена возглавлял движение один славный малый, но его уже нет в живых. Однако, кое-кто из его соратников еще жив. Надеюсь, Колибри напоет тебе что-нибудь интересное – навести его, расспроси обо всем.

– Колибри? Странное имя.

– Он священник, мастер, а многие священники носят такие имена. Колибри – птица, обладающая феноменальной скоростью. Возможно, это его всегда и спасало.

– Как же мне его найти? – Алиса вцепилась в старика острым взглядом.

– Сейчас я тебе расскажу...

II

В освещенном тусклыми свечами зале было невыносимо тесно, и стоял терпкий запах ладана. Толпа, заполнившая пространство от трибуны до толстых обитых железом дверей, гудела в ожидании проповеди великого мастера.

Под бой колокола, возвестившего о наступлении полудня, из потайной боковой двери вышел великий мастер и встал за трибуну. Толпа перестала шуметь, и на несколько секунд обитель погрузилась в молчание.

Мастер откашлялся:

— Дорогие мои, как я рад видеть вас сегодня! Счастлив, что вы смогли найти немного времени, что в нашем мире, полном забот и тревог, сделать непросто. Надеюсь, вам будет не слишком утомительно пребывать здесь. Не хочу сегодня задерживать вас слишком долго, поэтому сразу перейдем к делу.

Великий мастер был человеком лет 50-ти, худощавым, с грубо очерченным лицом, с широким приплюснутым носом. Он был весь в сединах, взгляд — твердый, отливающий чем-то потусторонним. По его щеке время от времени, несмотря на то, что в зале было прохладно, скатывалась капля пота, которая медленно набухала под подбородком и срывалась вниз.

— Много лет мы строим наш мир на руинах прошлого. Этот тяжелый героический труд, никому не заметный, будет продолжаться вечно, и не будет нам отдыха. Труд — это и наша Голгофа, и наши небеса, на которых мы ожидаем приход смерти. Много уже было сделано, и многое еще предстоит. Мы спасали, и будем спасать людей от несправедливости, пока это в наших силах. Словом, делом, советом.

Когда я был совсем молод и готовился к вступлению в сан, я, признаюсь, был очень глуп и самонадеян. В молодости я был настолько уверен в своем уме, что пытался всюду его показать. Мне никак не открывалась разница между умом и разумом! Молодость не позволяла мне быть разумным, и я чувствовал, что сгублю так свою душу, без стержня, который смог бы меня ограничить. Я благодарен своему наставнику за то, что через боль в мышцах от бесконечных упражнений и тяжелый труд, он передал мне одну простую истину. Порой задумываешься, почему истина, настолько элементарная, требуют для своего понимания невероятного усилия. Надо понять, друзья мои, что усилие воли — это показатель внутреннего напряжения, внутренней борьбы, необходимых для развития человека. Боритесь с собой! Боритесь и побеждайте! Не надо бояться коснуться в этой борьбе зла, потому что только через его познание, отграничение его от добра, мы становимся людьми.

Наставник показал мне эту борьбу, научил ей, научил побеждать... Я люблю вас всех, и поэтому хочу, чтобы каждый из вас боролся и побеждал. Нет более великого чувства, чем чувство победы над собой.

Поначалу я злился на своего наставника, поскольку он заставлял смотреть в лицо себе настоящему, всматриваться в свои изъяны и греховность. Я видел себя злым и отвратительным, но боялся себе в этом признаться.

Знаете, все мы не безгрешны, все подвержены влиянию пороков. Я был настолько эгоистичен, что испытывал жалость к себе, и от этого не имел возможность победить в борьбе. Но наставник выбил из-под моих ног жалость, и тогда я барахтался в океане без берегов, без пристани, не зная, куда держать путь.

Но потом я задумался: а есть ли вообще пристань для человека, который отказывается от всего низменного и злого в себе? Кто сможет ему помочь? Друзья, вера, любовь? Человек ли он вообще, черт возьми, или нечто иное? Если человек — то, не найдя пристань, он утонет. Если же нет...

В церковном зале, пропахшем ладаном и потом, воцарилась тишина. Слова вылетали из уст великого мастера, разносились поверх голов и растворялись в густом темном воздухе. Мастер молчал, всматриваясь в какую-то одному ему видимую точку.

– Спасибо, друзья мои, – после продолжительной паузы, вымолвил, наконец, великий мастер. – На сегодня – все!

Толпа медленно расходилась, в молчаливой задумчивости переступая порог темного зала – погружаясь в прохладный послеполуденный воздух. Многие явятся на следующий день, желая вновь услышать наставление великого мастера, но никому не было известно, что более мастер не станет за трибуну – ни завтра, ни когда-либо еще.

Великий мастер вышел из зала через ту же потайную дверь, в какую входил. Слева по коридору располагался его кабинет. Сняв черную накидку, повесив ее в шкаф, он сел за стол, на котором были навалены десятки бумаг. Рутинная работа забирала большее количество времени, и мириться с этим получалось непросто.

Он откупорил бутылку и налил вино. Разбавил его водой из графина – предстояло еще много работы, и необходимо было поддерживать живость ума.

Через минуту в дверь постучали – коротко и резко.

– Да?

Дверь приоткрылась, и в проеме появился послушник.

– Что случилось, Смити? – спросил мастер. – Ты чем-то взволнован?

– Ничего, господин, – ответил послушник и опустил большие глаза.

Держался перед великим мастером он неуверенно, немного сгорбившись. Был невелик ростом, безумно бледен. Пухлые губы, которые так не к месту прилепились к пустому невыразительному лицу, были беспокойны.

– Сколько раз тебе говорить, Смити, не надо называть меня... так, – великий мастер был готов рассмеяться, но сан требовал сохранять невозмутимость. – Какой я тебе господин? Мы все здесь – братья, – он изобразил строгое лицо. – Ты присутствовал на позавчерашней службе? Тогда я, по-моему, объяснял, что значит братство, – мастер отхлебнул вина. – Ну что ты молчишь, Смити?

– Я хотел бы поговорить с вами о краеугольном камне.

Великий мастер посмотрел на него как на сумасшедшего.

– Опять ты за свое! Что же такое! Камень – всего лишь легенда, глупая сказка, чтобы вера толпы опиралась на что-то ей понятное, – он улыбнулся, голос его смягчился. – Ты состоишь в братстве с малого возраста. Я помню тебя таким открытым миру. Слишком глубоко в тебе засела вера в несуществующее. Ты должен научиться мыслить по-взрослому. Камня нет, как нет ни рая, ни ада, ни прочей чепухи. Это все сказки для толпы.

– При всем уважении, великий мастер – он существует! – сказал Смити, и в голове его мастер заметил проблеск гнева.

– Не обманывайся, мальчик, это тебя погубит.

Смити шагнул вперед и склонился перед великим мастером.

– Благословите, прошу.

– Благословляю, – мастер перекрестил его затылок. – Но предупреждаю тебя о том, что ты отходишь от истины. Мне тяжело видеть, как мои братья бродят в тумане, не умея отличить правду от лжи.

– Я стараюсь, – покорно ответил Смити.

– Я помолюсь о тебе.

– Спасибо, великий мастер.

– Ты ничего больше не хочешь мне сказать? – спросил мастер. – В твоих глазах я вижу страх и любопытство. Скажи, что тебя гнетет.

- Все хорошо, мастер, – напрягшись, вымолвил Смити.
- Дорогой мой друг, не стоит скрывать того, чего ты боишься. Только скажи – и мы вместе найдем выход.
- Смити только пожал плечами. Великий мастер нахмурился:
- Я не видел тебя на сегодняшней службе. Чем ты был занят?
- Помогал брату Сове в освоении писания.
- Мастер испытующе посмотрел на Смити.
- И как успехи?
- Он очень способный, – быстро ответил Смити.
- Ну, хорошо, – заключил мастер. – Можешь идти.

Смити, после того, как вышел от великого мастера, был не в силах сдержать гнев. В сердцах он обвинял мастера в глупости и безверии, винил во всех грехах. Смити поражался словам своего наставника, и ненавидел его.

Немного успокоившись, он вновь принял благообразный вид, пряча мысли за бесстрастным лицом.

Выйдя в зал, где проходила служба, он взглядом нашел брата по прозвищу Сова и позвал его. Сова подошел.

Смити взял его за локоть и отвел в сторону, чтобы их разговор никто не услышал.

– Сможет ли Сова свершить правосудие? – наклонившись к его уху, шепнул Смити. – Время пришло.

– Когда-то за такие слова можно было тут же лишиться головы!

– Когда-то, – улыбнулся Смити, – но не сейчас.

– Я могу сделать все, что ты пожелаешь. Убить – значит, так тому и быть.

– Это хорошо, – сказал Смити. – Только, я не хочу, чтобы это выглядело как убийство. Пусть это будет несчастный случай – скажем, старика ударит инфаркт, и дело с концом!

– Не понимаю, зачем все это нежности, – Сова сделал недовольное лицо. – Я могу сейчас же уничтожить всех мастеров, они испарятся, и ни следа от них не останется. Неужели ты этого не хочешь?

– И да, и нет, – Смити покачал головой. – Они достойны смерти, я знаю это, но разве могу я их к этой смерти осудить, черт возьми!

Когда за послушником закрылась дверь, мастер посидел еще некоторое время в задумчивости, отпивая из бокала вино. Он и не заметил, как день склонился к вечеру, и в комнату медленно пробралась темнота.

Шум толпы, разгуливающей по улицам, прорывающийся через приоткрытое окно, напоминал треск поленьев в костре. Он успокаивал и усыплял.

Поработав еще немного, великий мастер встал из-за стола, нашел в шкафу куртку – вечером становилось холодно, оделся, вышел из церкви и медленно побрел домой.

Путь не был долгим. Только ветер неприятно бил в лицо морозящим дождем.

Дом встретил его скрипом старых половиц. Великий мастер жил один в маленьком одноэтажном домике, с небольшой кухней и тесной спальней.

Сняв куртку, он разогрел ужин и устроился на диване. В бокале вновь оказалось вино, теперь уже неразбавленное. Глаза мгновенно начали слипаться. В полудреме мастер положил голову на подушку и крепко уснул.

Но сон его не продлился долго. Через минуту во входную дверь постучали. Вначале великий мастер не услышал стука, но он повторился, и сквозь сон мастер оторвал тело

от дивана и зашагал босиком по холодному полу, чтобы открыть дверь столь поздним посетителям.

Великий мастер ступал холодному полу.

Стук. Во второй раз стучали сильнее и продолжительнее.

– Иду, – бросил великий мастер.

Стук оборвался. Человек на той стороне двери, не обладал, видимо, никаким терпением, теперь с усилием тянул за ручку.

Великий мастер отпер дверь и в страхе отшатнулся, лицо его исказилось.

– Мария! – воскликнул он. – Неужели, это ты!

Более великий мастер не мог сказать ни слова, звуки скомкались в легких и застряли в горле.

– Я уж думал, что все это мне померещилось. Успел поклясться всем богам, что брошу пить! – заплетающимся языком проговорил великий мастер, когда к нему вернулся дар речи. – Хорошо, что это не так, – заключил он. – Дитя, ты так похожа на одну мою старую знакомую. Господи, что у тебя с руками?

– Долгая история, – ответила Алиса, после чего, наконец, представилась.

Мастер с затаенным трепетом смотрел на Алису.

– Алиса, – протянул он, пробуя давно забытое имя на вкус. – Я помню тебя ребенком. Ты – копия своей матери! Тот же взгляд, те же ямочки на щеках. Прошло около двадцати лет с тех пор, как ее не стало.

– Значит, она умерла? – из уст Алисы вырвался тихий стон.

– Как мне жаль, – после долгой паузы проговорил мастер. – Так неприятно говорить это! Ты пока еще не знаешь, что с ней произошло?

Алиса недоверчиво помотала головой.

Великий мастер будто постарел еще на добрый десяток лет.

– Ее схватили чертовы фанатики! Знаешь ли ты что-нибудь об инквизиции? Их главарь считал себя дальним потомком Томаса Торквемада. Конечно же, это было неправдой, но в жестокости он ему не проигрывал. В его пыточные механизмы попадали и женщины, и дети! Они схватили твою мать, и больше ее никто не видел. Твоего отца тоже убили.

Алиса стойко вынесла страшную весть. Только уголок губ дернулся и опустился вниз.

– Я знала, – прошептала она. – Когда я шла сюда, я уже знала, что услышу. Мне горько, но я не могу найти слезы, чтобы выплакать эту горечь!

– Твои родители были достойными людьми, – сказал великий мастер. – Твоя мать многое сделала во имя справедливости. Не ее вина, что ей не удалось победить – силы были неравны!

– Этот инквизитор, где он теперь?

– Доживает жизнь в старом доме. Ему уже много лет, и силы давно покинули его, – великий мастер выдержал небольшую паузу. – Ты хочешь увидеть его?

Алиса молча кивнула. Внешне она была спокойна.

– Ты хочешь его смерти? – продолжил великий мастер.

– Не знаю, все это не так просто!

– Понимаю.

– Я не испытываю к этому человеку никаких чувств, – сказала Алиса, сдвинув брови. – Не могу сказать, что будет, когда увижу его.

Мастер подумал несколько секунд.

– Можешь сходить к нему, – решил он. – Но тысячу раз подумай, прежде чем что-то предпринять, ибо ты уже будешь не в силах исправить содеянное.

Алису сдавила сухость в горле.

– Мне так душно здесь! – произнесла она. – Наверное, человек чувствует нечто подобное, когда гибнет.

– Прости меня, дитя! Прости, славная, милая девочка! – воскликнул великий мастер, вскочив с кресла, опрокинув на пол стакан с виски, подошел к Алисе, и быстрым, нежным движением прижал ее к широкой груди. – Милая! Славная! – повторил он.

Он не видел, не мог видеть, как под его окном пряталась смерть. Кошачьи глаза всматривались вглубь комнаты. Сова неслышно подкрался прямо к окну и ждал, когда мастер останется один.

Но вот, похоже, и все. Девушка поднялась, мастер поставил стакан с виски на стол и, придерживая ее за плечи, проводил до двери.

Великий мастер остался в одиночестве. Сова не спеша приподнял окно и, как змея, просочился в темную комнату.

III

– Добро пожаловать на бал, мистер Паркинсон, – швейцар отрепетированным движением открыл дверь Грому, разодетому в пух и прах.

– Мистер Паркинсон! – неслышно пробурчал Гром. – Что за несусветность! Ничего глупее придумать невозможно.

Войдя в блестящий от золота холл, Гром поморщился. Затея все меньше и меньше ему нравилась, и все больше в сердце прокрадывалась тревога.

– Шампанского? – слуга остановился, вылупившись на мистера Паркинсона.

– Нет, спасибо, – ответил Гром. – Может, чуть позже.

Деланным вальяжным шагом он перешел в зал, где расположились большинство гостей. Отовсюду доносился смех, улыбки женщин сверкали ярче алмазов.

Гром остановился у стены, стал осматриваться.

«Слишком много людей! Мне это не по душе.»

Хотелось курить, возможно, он не отказался бы и от наркоты.

К нему подбрел высокий косолапый тип в смокинге.

– Скоро вечеринка начнется, – промычал он. – Знаешь, все это буйство красок, жажды жизни и непристойности. Это так возбуждает!

Гром промычал что-то в ответ, надеясь, что нескладный здоровяк с лицом, похожим на моллюска, выпотрошенного из раковины, отстанет. Однако, тот не унимался.

– Надеюсь, вы взяли с собой маску, – заговорщически подмигнул моллюск. – Самый настоящий человек – тот, чье лицо скрыто. А точнее – человек без лица. Человек без лица, в толпе, – он сделал неопределенный жест рукой, – разве можно найти зверя опаснее, – он смолк, провожая взглядом незнакомку в черном. – Итак, хорошего вечера, – бросил он мистеру Паркинсону и растворился в толпе.

– Черт бы тебя побрал, – процедил сквозь зубы Гром.

Тем временем разговоры стихли. Бушующий до этого с высокого потолка свет поблек, погружая зал в полумрак. Все, как по команде, нацепили маски.

Гром тоже достал из кармана маленькую, в пол лица, черную маску и надел ее. Краски поглушились, зрение обострилось. Кругом мелькали растворяющиеся во мраке то ли тела, то ли тени, с фужерами в руках, с горящими глазами.

Гром почувствовал, что в воздух распыляется какая-то дрянь, без вкуса и запаха, но сильно дурманящая мозг. Соображать стало куда труднее, по телу пробежало теплое возбуждение.

Надо было собраться, немедленно!

Какая-то женщина вцепилась в него руками и поцеловала в щеку.

– Ты такой горячий!

Гром мягко оттолкнул пьяное тело, и тут же почувствовал легкий толчок в спину.

– Приятель, посторонись, – услышал он грубый посаженный голос. – Эта женщина – моя.

– Здесь где-нибудь можно присесть? – не помня себя от дурмана, Гром повернулся к незнакомцу.

– Вон туда, – проговорил человек в маске тигра. – Иди, отдышись.

– Мне это не помешает, – процедил Гром, двигаясь неловкими шагами к двери.

В соседнем, зале поменьше, располагались несколько столов для игры в покер, барная стойка. Было душно, но воздух – куда чище. Гром почувствовал, как силы понемногу возвращаются к нему.

Он подошел к барной стойке, заказал стакан виски. Шуршала тихая музыка, по столам – 3—4 человека.

Что делать? – размышлял Гром. – Время идет.

Бармен подал виски, и Гром сделал небольшой глоток. Виски отдавал горечью в горле. Гром поморщился.

– Мистер Паркинсон, вы ли это! – воскликнули за одним из столов.

Гром обернулся. Плотный мужчина средних лет с нездоровым желтым налетом на лице, поднял руку. Странно было слышать выдуманное имя из уст незнакомого человека.

Гром подошел к компании и сел за свободное место. Ему тут же раздали карты.

– Как ваш фонд? – мимоходом спросил мужчина.

– Бывали времена и получше, – ответил Гром.

– Благотворительность всегда была делом непростым, – продолжил желтолицый, пристально взглянув на Грома, потом улыбнулся желтыми зубами. – Может быть, уже снимите маску? Вот так. Давно не видел вашего лица, уж совсем и забыл. А вы, будто бы, помолодели. Даже седые волосы почти не видны. Признайтесь, у вас появилась молодая любовница? Хм, повышаю, – сказал он и бросил в центр стола ставку.

– Что вы, что вы... Я, пожалуй, отвечу.

Остальные игроки скинули карты.

– Как вам вечер?

– Голова закружилась, – ответил Гром.

– Понимаю, – желтолицый кивнул. – Когда я был здесь впервые, и пяти минут не вытерпел, убежал на чистый воздух. Но потом привыкаешь. А сейчас стараюсь не связываться со всем этим, здоровье уже не то. Надо думать о семье, будет некрасиво, если меня хватит инфаркт, а жене моей скажут, где именно меня не стало.

– Извините, – Гром воспользовался образовавшейся паузой. – Я не могу вас вспомнить. Не напомните, где мы могли с вами встречаться?

– Ну что же вы, мистер Паркинсон! Как вы могли забыть! Я был некоторое время одним из вкладчиков вашего замечательного фонда, имел даже честь встречаться с вами лично, обговаривать насущные вопросы. Но потом я вдруг понял, что помогать бедным – это не мое, – он рассмеялся. – Пусть сами себе помогают, черт их дер! – он посмотрел на стол. – Ну что же вы, ответите или спасуете?

– Отвечу.

– Очень хорошо, – осклабился желтолицый и, бросив взгляд на Грома, сказал: – Не вспомнили? Ну и не стоит вам мучать свою память. Мистер Олива, к вашим услугам, – он сделал приветственный жест рукой. – Как же вас занесло в такое жуткое место, мистер Паркинсон?

– Захотел попробовать что-нибудь новенькое, – ответил Гром, сжимая в руках карты. Он все еще не мог вспомнить, где же видел этого неприятного типа.

Крупье раздал еще одну карту.

Хм, – промычал Олива, нахмутив брови. – Даже не знаю, что и делать. Но мой отец – люблю своего старика, всегда говорил мне: если не знаешь, что делать, рискни. Лучше все потерять, чем сидеть с упущенной возможностью. Поднимаю! – весело закончил он и выбросил на середину стола пригоршню фишек.

– Как ваша семья? – продолжил разговор Гром. – Жена?

– Она все так же чертовски хороша! И все такая же вредная.

– Дети?

– Скоро вылетят из гнезда. В следующем году определю их в колледж, наконец-то, будут жить отдельно. Жду этого дня с нетерпением. Конечно, я их люблю, но это не отменяет того, что все меня уже достало. Пусть хлебнут взрослой жизни сполна!

– Отвечу, пожалуй.

– Отвечаете? Хорошо! Скоро отойду от дел, и все наладится. Путешествия с женой до конца жизни – что может быть лучше? Вот вы – женаты?

– Не приходилось.

– У вас уже такой возраст, когда жениться – всегда рано. Я вот женился в молодости, когда думал, что уже больше некуда тянуть. И так оно действительно и было. Для человека в юных годах нет желания более сильного, чем найти себе половину, во что бы то ни стало. С возрастом уклад мыслей меняется, хочется уже совсем другого.

Олива сделал жест рукой, призывающий показать карту ривера, последнюю карту.

– Интересно, – промычал он. – Вот так одна карта может изменить ход игры. Как в жизни, не так ли, мистер Паркинсон?

– Непременно.

– Я, пожалуй, сыграю на все, – резко понизив голос на пару тонов, сказал Олива. – Вы хороший противник, есть в вас что-то неуловимое. Будете отвечать? Раскроетесь? Или спрячете их от меня? Что же вы будете делать? Решайтесь, не обманывайте мои ожидания.

Сидящие за столом другие игроки переглянулись.

– Господа, – обратился к ним мистер Олива. – Не позволите ли нам остаться один на один?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.